М.Н. АЛЕКСЕЕВ

Диалектическая логика как наука

1961
СЕРИЯ II
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЗНАНИЕ
ФИЛОСОФИЯ
1

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор философских наук,
профессор
М. Н. АЛЕКСЕЕВ

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КАК НАУКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1961

Работа посвящена вопросам диалектической логики как части марксистско-ленинской философии. В ней рассматриваются предмет диалектической логики и ее отличие от логики формальной, метод восхождения в познании от абстрактного и конкретному, единство исторического и логического и другие формы диалектического мышления. Автор привлекает богатый материал из «Капитала» К. Маркса. Вместе с тем читатель найдет в брошюре примеры применения диалектической логики к специальным областям знания (биологии, химии, механики и др.).

Брошюра рассчитана на студентов, аспирантов, учителей, преподавателей и всех, интересующихся вопросами марксистско-ленинской логики и теории познания.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Недостаточность формальной логики и необходимость логики диалектической	3
Диалектическое мышление как предмет диалектической логики	9
Восхождение от абстрактного к конкретному	17
Единство логического и исторического	32
Заключение	45
Литература	48

Автор
Митрофан Николаевич Алексеев

Редакторы **Ф. И. Розенман** и **Г. Л. Смолян**
Техн. редактор **Л. Е. Атрощенко**
Корректор **Э. А. Шехтман**
Обложка художника **А. Г. Ординарцева**

А02709. Подписано к печати 5/I 1961 г. Тираж 39 000 экз. Изд. № 298. Бумага 60×92¹/₁₆—1,5 бум. л.=3,0 печ. л. Учетно-изд. 3,02 л. Заказ 2975. Цена 9 коп.

Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., 3/4

Каждый, кто интересовался вопросами мышления, хорошо знает, что существует наука формальная логика, играющая важную роль в процессе познания. Однако не всем известно, что, кроме формальной логики, есть логика диалектическая, которая также изучает мышление, хотя и подходит к нему с иной стороны. Эту диалектическую логику враги марксистской философии полностью отрицают, считают ее искусственной, надуманной. Но от этого диалектическая логика не перестает существовать, она уверенно развивается и получает все более широкое применение как необходимое средство, инструмент научного познания.

Задача настоящей работы показать, что собой представляет диалектическая логика, каково ее теоретическое и практическое значение и почему ее необходимо изучать и разрабатывать.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЛОГИКИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ

Для того чтобы понять сущность диалектической логики, надо хотя бы вкратце остановиться на том, что такое логика формальная и в чем состоит ее ограниченность. Если мы не выясним этого, нам будет неясно, почему необходима логика диалектическая.

Исторически формальная логика возникла и оформилась как наука более 2 тысяч лет назад. Основателем ее считается древнегреческий философ Аристотель (384—322 гг. до н. э.), изложивший принципы логики в труде, получившем позже название «Органон»[1]. Правда, Аристотель создал не только формальную логику, он разработал много логических проблем, которые в настоящее время не считаются формаль-

[1] Задолго до Аристотеля вопросы логики разрабатывались в древнем Китае и в древней Индии.

но-логическими (учение о категориях, учение об истине и др.). Поэтому хотя и правильно считать Аристотеля отцом формальной логики, это совсем не значит, будто его логика в целом чисто формальная наука. В действительности Аристотель понимал логику значительно шире, чем понимают ее некоторые современные представители формальной логики.

Созданная Аристотелем и разработанная многими другими философами формальная логика изучает формы мышления — понятия, суждения, умозаключения, которыми в одинаковой мере пользуются все люди независимо от их возраста, образования, классовой, национальной и всякой иной принадлежности. Эти формы мышления изучаются формальной логикой абстрактно, в отвлечении от конкретного содержания, с которым они фактически всегда связаны. Исследуя понятия, суждения, умозаключения, формальная логика исходит из принципов тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания, отображающих наиболее простые, «обычные» отношения вещей (установление этих принципов также предполагает высокую ступень абстракции).

Такой подход к формам мышления ничего порочного в себе не заключает, он вполне допустим и имеет важное значение. В самом деле, для того чтобы умело оперировать понятиями, суждениями, умозаключениями, надо хорошо знать их свойства, природу. А этого можно достигнуть, если мы сумеем отвлечься от содержания мысли. Именно таким путем формальная логика позволяет осознать те закономерности, формы и правила логического мышления, которые стихийно, несознательно складываются в практике всех людей.

Однако этот путь ставит перед формальной логикой границы, за пределы которых она выйти не может. *Формальная логика не рассматривает мышление и его формы в развитии, не исследует содержательную сторону мышления.* Она, следовательно, ограниченная по предмету своего исследования (и по подходу к нему) логика. И в этом ее недостаточность.

Главная же ограниченность формальной логики, делающей ее узкой и неполной, состоит в том, что она не изучает диалектическое мышление, представляющее собой высшую ступень в развитии мышления.

Формальная логика рассматривает мышление вообще, безотносительно к тому, диалектическое оно или недиалектическое. Она не интересуется такими логическими вопросами, имеющими большое значение в современной науке, как вопросы о том, каким образом воспроизводится в мышлении развитие вещей, как познается диалектика сущности и явления, с помощью каких специфически логических средств осуществляется процесс познания и т. д.

Вообще формальная логика не дает ответа на вопрос, что значит мыслить диалектически и как этого можно достигнуть. Для ответа на эти вопросы ресурсов формальной логики явно недостаточно.

Ограниченность, недостаточность формальной логики вовсе не означает, что она закостенелая наука, которая неспособна развиваться. Глубоко ошибался И. Кант, который в предисловии к своей «Критике чистого разума» писал, что со времени Аристотеля формальная логика не сделала ни одного шага вперед. В действительности, подобно любой другой науке, формальная логика непрерывно развивается. Расширяются методы формальной логики, углубляются проблемы, которые она ставит, умножается ее теоретическое содержание. Богатство содержания современной формальной логики не идет ни в какое сравнение с содержанием древней логики.

За истекшие столетия с момента своего возникновения формальная логика обогатилась целым рядом разделов — учением о внесиллогистических умозаключениях, учением о формально-дедуктивных системах (формализации вообще) и др. В середине прошлого столетия на стыке логики и математики зародилось и сейчас бурно развивается новое направление формальной логики — математическая логика (ее называют также символической логикой, или логистикой). Связанная с применением в изучении логических отношений («если... то», «следует», «или» и т. д.) математических методов, математическая логика обобщила результаты, добытые аристотелевской логикой, особенно в учении о логическом следовании. Она разработала формализованные методы, благодаря которым стало возможным осуществление целого ряда простых мыслительных операций с помощью так называемых логических машин.

Однако интенсивное развитие формальной логики, в том числе и в математической ее форме, не изменило характера этой логики. Она и в математическом своем виде продолжает оставаться формальной наукой, исследующей логические формы в отвлечении от конкретного содержания. Математическая логика не изучает понятия, суждения, умозаключения во внутренней зависимости от содержания (строго говоря, она имеет дело даже не с формами мышления, а с объективными логическими отношениями). Она, как и предшествующая ей дотематическая формальная логика, не раскрывает диалектического характера мышления, развития его от низшего к высшему, от простого к сложному.

Ошибаются те философы, которые полагают, будто математическая логика — это новая логика, могущая заменить собой формальную логику и выступающая даже «всеобщим орудием познания». И, конечно, совсем извращают математиче-

скую логику те исследователи, которые считают, будто эта логика призвана подменить собой всю философию. Так, в частности, думает Р. Карнап, который писал: «Логика (имеется в виду математическая логика. — *М. А.*) есть метод философствования, который заключается в логическом анализе предложений и понятий эмпирической науки»[1]. Эта точка зрения Р. Карнапа о ненужности философии, о замене ее математической логикой является ненаучной. Философия как наука о наиболее общих законах развития бытия и отражения его в сознании человека всегда будет нужна как для теории, так и для практики. Без философии не может обойтись ни одна наука, поскольку она нуждается в мировоззрении. Никакой логический анализ предложений и понятий не может заменить собой мировоззрения. Отрицая подлинную философию, Р. Карнап на деле протаскивает порочную философскую идею о том, что наука сама себе «философия».

Ограниченность формальной логики, недостаточность ее для познания давно бросалась в глаза многим мыслителям, особенно в новое время. Эта ограниченность толкала философов на разработку новой логики, которая исследовала бы содержание мышления. Над созданием такой неформальной логики, призванной служить действенным орудием познания, трудились Бэкон и Декарт, Герцен и Чернышевский и особенно Кант и Гегель.

Кант не считал формальную логику инструментом познания, с помощью которого можно было бы открывать новые истины. Для него раз и навсегда сложившаяся формальная логика — это средство проверки согласованности мыслей между собой, орудие выведения одной мысли из другой. Кант прилагал много усилий к тому, чтобы создать содержательную логику, которая рассматривала бы мышление в связи с содержанием предметов. Канту думалось, что он создал такую логику в виде своей так называемой трансцендентальной логики. Однако трансцендентальная логика Канта заключала в себе внутренние неразрешимые противоречия, она была оторвана от реальной действительности. Будучи верен агностическому принципу непознаваемости «вещей в себе», Кант считал, что изучаемые в трансцендентальной логике формы разума ничего общего не имеют с предметами объективного мира, что они абсолютно независимы от материальных вещей, а это, конечно, неверно.

Существенный вклад в разработку неформальной, содержательной логики внес Гегель, который вообще по-новому поставил проблемы науки логики и ее законов, выдвинув идею совпадения диалектики, логики и теории познания.

---

[1] R. Carnap. Erkenntnis, Neue Serie, 1930, Bd. I, Heft 1, S. 23.

До Гегеля философы резко отделяли логику от теории познания, считая, что законы первой принципиально отличаются от законов второй. Логика рассматривалась ими как чисто формальная наука, ничего общего не имеющая с процессом познания. С другой стороны, и теория познания истолковывалась как учение о познании, никак не связанном с процессом мышления. Что касается диалектики, то ее вообще не считали за науку и в лучшем случае рассматривали как искусство спора, полемики. Диалектика отрывалась от логики, а та и другая — от теории познания.

Гегель положил конец такому отделению логики от теории познания, подведя под ту и другую созданный им диалектический метод. Установив диалектический характер развития всего существующего, Гегель пришел к выводу, что философия должна быть не чем иным, как учением о развитии, должна быть диалектикой. А так как для него познание есть лишь самопознание лежащего в основе всех вещей абсолютного духа, то и теория познания должна быть диалектикой. Столь же диалектической должна быть логика, поскольку она есть сущность познания, квинтэссенция его. В этом состояла правильная идея Гегеля о единстве диалектики, логики и теории познания. Исходя из этой идеи, Гегель разработал новую, диалектическую логику, назвав ее логикой разума, в противовес логике рассудка, как он квалифицировал формальную логику.

Гегелевская диалектическая логика состоит из двух частей: так называемой объективной логики и субъективной. В объективную логику им включается учение о бытии и учение о сущности. В ней разбираются такие категории, как бытие, качество, количество, мера, тождество, различие, противоречие, сущность, явление, форма, содержание, возможность, действительность и т. п. Субъективную же логику составляет учение о понятии, суждении, умозаключении.

Особенностью гегелевской логики является то, что в ней категории развиваются одна из другой, а не ставятся друг возле друга, как в формальной логике, что они субординируются, а не координируются. Гегель развивает, выводит категорию качества из категории бытия, категорию количества из категории качества, категорию меры из категории количества и т. п. Он выводит умозаключение из суждения, суждение — из понятия. Вторая отличительная черта гегелевской логики — ее связь, единство с теорией познания. Собственно, по Гегелю, диалектическая логика — это и есть теория познания, взятая только в ее чистом, свободном от эмпирической формы виде. Этапы развития этой диалектической логики соответствуют основным этапам исторического развития познания.

Однако, хотя Гегель сформулировал основные черты диалектической логики, опираясь на принцип единства логики, диалектики и теории познания, его логику еще нельзя считать научной. Нельзя, во-первых, потому, что она опирается на ложный, идеалистический принцип, в ней извращается действительное отношение вещей. По Гегелю, логический процесс является первичным, исходным, определяющим процессом, тогда как природа и человеческое общество служат лишь его бледным отблеском. В действительности же, как известно, дело обстоит наоборот — логика, мышление есть отражение развивающихся независимо от сознания природы и общества. Ненаучность логики Гегеля состоит, во-вторых, в искусственности переходов от одной категории к другой, что также обусловлено идеалистическим исходным пунктом этой логики. Переход от одной категории к другой совершается у Гегеля порой посредством какого-либо остроумного замечания, с помощью простой игры слов (как это, например, имеет место при переходе к категории основания).

Следовательно, Гегель не разработал действительно научной, т. е. опирающейся на материалистическое миропонимание, диалектической логики и не провел последовательно до конца принцип единства диалектики, логики и теории познания.

Только классики марксизма-ленинизма смогли научно обосновать и практически реализовать принцип совпадения диалектики, логики и теории познания и тем самым заложить основы подлинно научной диалектической логики. А это им удалось сделать благодаря тому, что они подходили к процессу познания как диалектические материалисты.

В марксистской философии нет отделения и тем более противопоставления учения о бытии (онтологии) учению о мышлении (логике) и учению о познании (гносеологии). Все эти разделы марксистской философии составляют единое целое. Для марксистской философии наиболее общие законы развития бытия, мышления и познания одни и те же. По диалектическим законам развиваются и вещи, и наше познание вещей, и процесс мышления. В этом именно заключается смысл известного ленинского положения о тождестве в диалектическом материализме диалектики, логики и теории познания. «В единстве диалектики, логики и теории познания в марксистском понимании всесторонне раскрываются характер диалектического материализма как философской науки, связь всех составных частей марксистской философии» [1].

Классики марксизма-ленинизма не только заложили основы научно-диалектической логики, они определили ее пред-

[1] М. Б. Митин. Философия и современность, стр. 80. М. 1960.

мет исследования, разработали целый ряд конкретных проблем диалектической логики, показали значение диалектической логики в теоретической и практической деятельности.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Как учит материалистическая диалектика, диалектические законы господствуют во всех областях действительности: и во внешнем материальном мире и в его идеальном отражении, в мышлении. Наше мышление подчиняется всем общим законам, которым подчиняется объективный мир: единству и борьбе противоположностей, переходу количественных изменений в качественные, отрицанию отрицания и т. д. В нем действуют закономерности, называемые обычно не совсем правильно категориями, — сущность и явление, форма и содержание, случайность и необходимость, единичное и общее и т. д.

Отмечая эту одинаковость законов мышления и бытия, Ф. Энгельс писал: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собою» [1].

Как же, в каких формах проявляется диалектика, диалектические закономерности в мышлении?

Прежде всего мышление, как и все на свете, непрерывно изменяется и развивается. Оно развивается от неточного и неполного отражения действительности к отражению все более полному и точному. Современное мышление отображает окружающий мир значительно глубже и полнее, чем мышление людей, скажем, средневековья, и тем более, чем мышление древних. Древние люди, например, не имели и не могли иметь никакого представления о законах развития общества, о теории относительности, об атомной энергии и т. п. Теперь же данные понятия становятся достоянием многих людей. Развиваются способности мышления, методы исследования, которыми оно пользуется. Мышление людей XX века более совершенно, оно располагает более эффективными приемами и методами абстрагирования. Глубина проникновения мышления в изучаемый объект, его познавательная активность стали сейчас большими, чем были прежде. В результате этого мышление теперь способно решать такие задачи, которые раньше ему были совершенно не под силу.

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 213. Госполитиздат. 1955.

Далее, диалектика мышления проявляется в том, что оно развивается внутренне противоречиво, в нем всегда имеется старое и новое, отмирающее и возникающее. Старые понятия, концепции, гипотезы, теории исчезают, новые, напротив, возникают. Постоянная смена, борьба старых и новых понятий и представлений составляет объективный диалектический закон развития мышления.

Диалектику борьбы противоположностей в мышлении раскрыл Ф. Энгельс в своем труде «Анти-Дюринг». Он писал: «Точно так же мы видели, что и в сфере мышления мы не можем избегнуть противоречий и что, например, противоречие между внутренне неограниченной человеческой способностью познания и ее действительным осуществлением только в отдельных, внешне ограниченных и ограниченно познающих людях, — что это противоречие разрешается в бесконечном — по крайней мере, практически для нас — ряде последовательных поколений, разрешается в бесконечном поступательном движении» [1].

Если мы обратимся к самим формам мышления, изучаемым формальной логикой: к понятию, суждению, умозаключению, то увидим, что и они пронизаны диалектикой, диалектическими закономерностями.

Возьмем понятие, эту исходную логическую форму. Понятие, как единство единичного и общего (а также особенного), содержит в себе противоречие, ибо единичное противоположно общему, и, наоборот, общее противоположно единичному. Например, в понятии «водород» фиксируются единичные признаки, свойственные только водороду, и признаки общие, имеющиеся у всех химических элементов. Очевидным для всех марксистов является движение, развитие понятий. «...Человеческие понятия, — указывает Ленин, — не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов...» [2].

Столь же диалектично суждение, выражающее самой своей формой все основные элементы диалектики. Термины «субъект» и «предикат», имеющиеся в суждении, взаимно отрицают и вместе с тем предполагают друг друга. Нет субъекта без предиката и предиката без субъекта. В любом суждении (например, «лилия есть растение») выражается и тождество предметов, и различие их. «Тот факт, — пишет Ф. Энгельс, — что тождество содержит в себе различие, вы-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 114. 1953.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 249.

ражен в *каждом предложении,* где сказуемое по необходимости отлично от подлежащего»[1]. Так, лилия есть, конечно, лилия, но она вместе с тем и растение. По отношению к растению лилия есть нечто единичное, растение в отношении лилии — нечто общее.

Не иначе обстоит дело с третьей формой мышления, с умозаключением, которое также подвержено действию диалектики. Диалектику умозаключения, диалектику его единичного, особенного и всеобщего моментов очень хорошо показал К. Маркс на примере анализа товарно-денежного обмена *Т — Д — Т* (товар — деньги — товар). «...Абстрактно-логически, — говорит К. Маркс, — *Т — Д — Т* может быть сведено к форме силлогизма, *О — В — Е,* где особенность образует первый крайний член, всеобщность — связывающий средний член и единичность — последний крайний член»[2].

То, что человеческое мышление объективно развивается по законам диалектики, вполне понятно. Ведь мышление есть продукт материи, также развивающейся по законам диалектики. Являясь таким продуктом, оно выступает и не может не выступать ее отражением, в том числе и отражением самих законов диалектики.

Мышление развивается по законам диалектики независимо от того, знают об этом что-либо люди или не знают, осознают это или нет. Поскольку люди мыслят, познают предметы и явления действительности, в их мышлении обязательно действуют законы диалектики, действуют принудительно и необходимо. Проявление этих законов можно обнаружить в любом мышлении: в мышлении научном и ненаучном, в мышлении взрослого и ребенка, материалиста и идеалиста и т. п.

Однако хотя законы диалектики объективно действуют в любом без исключения мышлении, это совсем не значит, будто каждое мышление является диалектическим, а его обладатель, человек — диалектиком. Если бы дело обстояло так, тогда все люди становились бы диалектиками и никаких метафизиков на свете не существовало бы, а они, как известно, существуют.

Человеческое мышление не всегда было диалектическим, и сейчас оно не у всех людей диалектическое. Если рассматривать мышление исторически, а это единственно правильный подход, то оказывается, что диалектическое мышление появилось лишь на определенной ступени развития — когда были накоплены определенные знания о действительности,

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 169.
[2] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 87. 1952.

когда человек научился исследовать природу своих понятий. Ф. Энгельс пишет о диалектическом мышлении и его возникновении следующее: «...диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, — возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии...» [1].

Рассмотрим подробнее, что собой представляет диалектическое мышление, составляющее предмет исследования диалектической логики.

Диалектическое мышление это такое мышление, которое познает, осознает диалектику объективных вещей. Оно фиксирует развитие предметов, их всеобщую связь, переходы количественных изменений в качественные, единство и борьбу противоположностей и т. д. Когда Гераклит высказал свое диалектическое суждение «все течет», он осознал развитие, изменяемость вещей. Когда Гегель выдвинул положение о развитии всего существующего через борьбу противоположностей, он также осознал диалектическую противоречивость процесса развития.

Разумеется, диалектическое мышление свойственно не только философам, его может иметь любой человек, если он наталкивается на конкретную диалектику вещей и познает, воспроизводит ее в своем мышлении.

Диалектическое мышление по отношению к тому, что оно познает, является субъективной диалектикой. Ф. Энгельс говорит: «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей...»[2]. Субъективная диалектика является таковой не потому, что создается субъектом по его воле и желанию, а потому, что обнаруживается в голове человека, проявляется в субъективной его деятельности. Источник же ее, как вообще источник того, что есть в мышлении, лежит в самих вещах, в природе. Человек лишь воспроизводит диалектику вещей, но отнюдь не создает, не порождает ее.

Субъективная диалектика в указанном ее смысле существенно отличается от той объективной диалектики мышления, о которой мы говорили выше. Если первая обязательно проходит сквозь призму сознания человека (хотя и не зависит от этого сознания), то вторая, как правило, через созна-

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 176.
[2] Там же, стр. 166.

ние человека не проходит, не осознается. Так, действующая в формах мышления диалектика не зависит от того, осознают ее люди или нет, желают с ней считаться или не желают. Ее действие всегда принудительно и необходимо. Напротив, чтобы иметь субъективную диалектику, диалектическое мышление, надо осознавать, познавать диалектику вещей.

Различать в отношении мышления два вида диалектики — объективную и субъективную — чрезвычайно важно, чтобы не смешивать диалектическое мышление с недиалектическим, чтобы на том основании, что любое мышление развивается по законам диалектики, не делать ложного вывода, будто всякое мышление является тем самым диалектическим. Это различие между двумя проявлениями диалектики в мышлении отчетливо проводят в своих трудах классики марксизма-ленинизма, в частности Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Когда Ф. Энгельс указывает, что в каждом предложении (суждении) имеется тождество и различие, что наши мысли движутся в полярных противоположностях, или когда Ленин характеризует диалектический путь познания — от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике, они имеют в виду объективную, не зависящую от воли и сознания людей диалектику мышления. Когда же Ф. Энгельс говорит об осознании диалектического характера процессов развития, о законах диалектического мышления или когда Ленин пишет о диалектике, имея в виду изучение противоречия в самой сущности предметов, о диалектическом методе, то под диалектикой понимается субъективная диалектика, диалектическое мышление.

Итак, предметом диалектической логики как науки является диалектическое мышление, субъективная диалектика, отражающая объективную диалектику вещей, их развитие, движение, изменение. Важность и необходимость изучения диалектического мышления заключается в том, что оно представляет собой подлинный аналог развивающейся действительности, а тем самым метод объяснения явлений. Подчеркивая эту особенность диалектического мышления (субъективной диалектики), Ф. Энгельс писал: «...именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»[1].

Каким же образом вырабатывается у людей диалектическое мышление? Обычно диалектическое мышление формируется стихийно, в практике познания и деятельности, под

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 311—312.

напором самих фактов, с которыми имеет дело человек. Но этот стихийный путь очень долгий и нередко связан с заблуждениями. Значительно более эффективным является путь сознательного усвоения диалектики. Изучая диалектику как науку, знакомясь с ее законами и категориями, люди принимают ее положения и вырабатывают у себя диалектическое мышление. Говоря о путях выработки диалектического мышления, Ф. Энгельс писал: «К диалектическому пониманию можно прийти, будучи вынужденным к этому накопляющимся фактическим материалом естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру естественнонаучных фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления»[1].

Сознательно овладеть диалектическим мышлением, т. е. научиться пользоваться диалектическим методом (что одно и то же), — дело не совсем легкое. Его нельзя свести просто к заучиванию отдельных и даже всех положений диалектики. Усвоение положений диалектики составляет лишь предпосылку, правда, весьма существенную и необходимую, но все же только предпосылку диалектического мышления.

Чтобы быть диалектиком, умело применять диалектический метод, надо, кроме того, научиться вскрывать в вещах формы проявления диалектических закономерностей. Наука диалектика указывает лишь общий метод, но она не может заменить собой конкретных исследований диалектических закономерностей, их конкретных проявлений в действительности. Для того же, чтобы научиться этому, надо изучить логические приемы, способы воспроизведения в мышлении диалектики вещей. А способы эти также вырабатываются сначала стихийно, а затем сознательно обобщаются в диалектической логике.

Говоря об апории Зенона[2], связанной с истолкованием движения, В. И. Ленин указывает, что «вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий»[3]. Воспроизведение в логике (диалектике) понятий диалектики вещей, диалектики развития, противоречия, отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные, диалектики сущности и явления, формы и содержания, случайности и необходимости, единичного и общего и т. д. и составляет как раз отличительную особенность диалектического мышления, изучаемого диалектической логикой. Все это возможно, если исследователь пользуется диалектическими понятиями, если он учитывает переходы противополож-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 14.

[2] Древнегреческий диалектик Зенон (V век до н. э.) сформулировал ряд апорий (трудностей), с которыми связано выражение в мышлении движения вещей.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 252.

ных понятий, единство их, доходящее до тождества. Вот почему Ленин говорит: «Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики...»[1].

Итак, *диалектическая логика, изучая диалектическое мышление, интересуется тем, какими способами, формами*[2], *средствами необходимо руководствоваться, чтобы можно было выразить, воспроизвести в мышлении диалектику объективно существующих вещей.* В этом главная задача диалектической логики как части, раздела марксистско-ленинской философии.

Как видно, диалектическая логика неотделима от диалектического метода, представляющего собой осознанное использование положений диалектики в процессе познания. Это и понятно. Поскольку диалектическая логика есть учение о диалектическом мышлении, она тем самым есть теория высшей формы этого мышления.

В. И. Ленин, много занимавшийся вопросами диалектической логики, не отделяет эту логику от диалектического метода. Это видно из следующего его высказывания, являющегося фундаментальным для всей науки диалектической логики: «Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов»[3].

В связи с требованием диалектической логики о конкретности истины встает вопрос о конкретности понятий, которыми оперирует диалектическое мышление. Так как это один из основных вопросов диалектической логики, остановимся на нем особо.

В диалектической логике конкретным называется такое понятие, которое берется с учетом условий, места и времени, с учетом обстановки. Если в понятии отражается кон-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 188.

[2] Разумеется, диалектическое мышление осуществляется в формах понятий, суждений, умозаключений, а не вне их. Однако это не значит, что оно не имеет дополнительно своих содержательных форм. Как увидим дальше, такие формы у него имеются.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 72—73.

кретная обстановка, в которой существует предмет, то такое понятие будет конкретным, в отличие от абстрактного, где обстановка места и времени не указывается. Конкретное понятие отражает поэтому предмет шире, полнее, чем понятие абстрактное.

Конкретное понятие отличается, далее, тем, что, помимо общего, оно воплощает в себе особенное и единичное. Например, такое конкретное понятие, как понятие «материя» (в диалектическом материализме), предполагает наряду с общим свойством материи — быть объективной реальностью, также особенные и единичные формы проявления ее в действительности.

В конкретных понятиях имеющиеся в вещах противоположности отражаются вместе, в единстве, а не раздельно, как это происходит в абстрактных понятиях. Например, абстрактное понятие свободы не включает в себя необходимости, абстрактное понятие причины не включает действия и т. д. В конкретных же понятиях свобода воплощает в себе необходимость, причина воплощает действие (нет свободы без необходимости, как нет причины без действия).

Конкретное понятие не есть нечто застывшее, раз навсегда данное, оно также изменяется и развивается, переходя от одной, низшей ступени конкретизации к другой ступени, более высокой. Хорошей иллюстрацией этого является конкретизация марксистского понятия «диктатура пролетариата». Данное конкретное понятие впервые выработано Марксом и Энгельсом в середине 40-х годов XIX столетия и заключало в себе такой существенный признак, как быть организованным в господствующий класс пролетариатом. На опыте революций 1848—1852 годов это понятие было конкретизировано, в него был включен как необходимый признак ломка буржуазной государственной машины, на базе которой (ломки) только и возможно возникновение диктатуры пролетариата. Парижская коммуна позволила раскрыть форму диктатуры пролетариата, отличную от парламентской демократической республики. В. И. Ленин, обобщая опыт революционного движения в России, еще более конкретизировал понятие диктатуры пролетариата, открыв советскую власть как особую форму диктатуры пролетариата. Вторая мировая война 1939—1945 годов привела к возникновению стран народной демократии, особой, новой формы диктатуры пролетариата. На XX съезде КПСС понятие «диктатура пролетариата» еще более конкретизировалось — была установлена возможность мирного перехода к диктатуре пролетариата с использованием парламентских форм борьбы.

Диалектическая логика — сложная философская наука, которая, конечно, не ограничивается вопросом о конкретности понятий, но включает в себя много других проблем,

подлежащих научному исследованию. К числу этих проблем относятся восхождение от абстрактного к конкретному в процессе познания, единство исторического и логического, анализ и синтез, индукция и дедукция, способы воспроизведения в мышлении развития и изменения материального мира, единства и борьбы противоположностей, формы и содержания, сущности и явления, возможности и действительности и т. д. и т. п. Сколько законов и категорий диалектики, столько и проблем в диалектической логике, во всяком случае не меньше. Это объясняется тем, что каждый закон и каждая категория требуют для их воспроизведения в мышлении своих соответствующих логических средств и способов исследования.

В дальнейшем остановимся на двух самых основных проблемах диалектической логики — восхождении от абстрактного к конкретному и единстве исторического и логического.

ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Метод восхождения, движения мысли от абстрактного к конкретному впервые научно разработал и применил К. Маркс в трудах «К критике политической экономии» и «Капитал». Особенно следует отметить последний труд Маркса, о значении которого в разработке проблем диалектической логики специально говорил Ленин: «Если Marx не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу»[1]. Это обстоятельство объясняет также, почему в дальнейшем мы так широко привлекаем материал «Капитала».

Сущность восхождения от абстрактного к конкретному, если сформулировать его коротко, состоит в том, что исследователь, диалектически изучающий предмет, начинает анализ его с наиболее простых и общих (абстрактных) моментов, выражающих предмет неполно, только с одной стороны, и движется, возвышается к определениям все более полным и сложным (конкретным), характеризующим предмет с разных, многих сторон. В результате восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении воспроизводится целостная, диалектически расчлененная система предмета, где каждому моменту принадлежит свое строго определенное место. Восхождение от абстрактного к конкретному — это систематическое и наиболее полное применение в исследовании диалектического метода. В этом заключается его особое значение.

Как научный способ исследования восхождение от абстрактного к конкретному имеет определенную структуру, ко-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 315.

торая выражается в последовательных этапах восхождения, в использовании логических методов и операций мышления. В структуру процесса восхождения от абстрактного к конкретному включаются также исходный пункт, или «начало» восхождения и его общий результат.

Исследование предмета способом восхождения начинается с абстрактного понятия. Выделяемая в качестве «начала» восхождения категория характеризует предмет самым неполным, бедным образом. В способе восхождения, применяемом Марксом в «Капитале» и в «Критике политической экономии», таким «началом» является товар. Товар представляет собой самую бедную категорию буржуазного производства, он абстрактнее всего характеризует это производство и совсем не выражает его полноту. Тот, кто знает о буржуазном производстве лишь то, что оно основано на товарных отношениях, имеет о нем весьма скудные представления.

Начало восхождения от абстрактного к конкретному — это не только нечто самое абстрактное, но и самое непосредственное (разумеется, в пределах данной рассматриваемой системы). Непосредственность его состоит в том, что оно ничем другим не обусловливается, никаких других категорий не предполагает. Так, чтобы вступить в товарные отношения, совсем не надо быть ни капиталистом, ни рабочим, ни землевладельцем, надо только иметь какую-либо вещь и обменивать ее на другую вещь. Товар в этом смысле есть непосредственное отношение. Но он в то же время и самое простое отношение капиталистического производства, ибо лежит на поверхности и всем бросается в глаза. При капитализме нет ничего очевиднее товара, хотя он и скрывает в себе глубокую тайну человеческих отношений.

Далее, кроме свойств быть самым абстрактным и самым непосредственным, «начало» способа восхождения имеет и свойство быть самым общим. Исходный пункт восхождения пронизывает собой все другие категории исследуемой системы, он лежит в основе всех этих категорий, без него последние просто не существуют. В отношении товара как исходного пункта капиталистического производства этот признак начала отмечает сам Маркс. «...Форма товара, — говорит он, — есть самая *всеобщая* и неразвитая форма буржуазного производства...» [1]. Товар, товарные отношения пронизывают все другие отношения буржуазного общества: отношения продавца и покупателя, кредитора и должника, капиталиста и рабочего, землевладельца и арендатора. и т. д. и т. п. Товарные отношения поэтому являются самыми всеобщими отношениями.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 89 (Подчеркнуто нами. — *М. А.*).

Отмеченные признаки исходного пункта восхождения (быть самой абстрактной, самой простой и самой всеобщей категорией) применительно к политической экономии очень хорошо резюмирует В. И. Ленин в следующих словах: «Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отдельный товар («Sein» в политической экономии)» [1].

Однако «начало» не было бы исходным пунктом движения мысли от абстрактного к конкретному, если бы оно не обладало еще и таким существенным признаком, как быть «клеточкой», элементарной ячейкой исследуемого целого. «Клеточка» восхождения — это то, из чего развивается все остальное, что «концентрирует» в себе другие категории системы и необходимо обусловливает, порождает их. Начало восхождения от абстрактного к конкретному должно быть такой именно «клеточкой», элементарной формой. «Богатство обществ, — пишет Маркс, — в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров», а отдельный товар — его элементарной формой. Наше исследование начинается поэтому анализом товара» [2].

Свойство «начала» быть клеточкой исследуемой системы обусловлено его противоречивостью, тем, что оно, как в зародыше, заключает в себе все противоречия предмета. Так как способ восхождения имеет задачей воспроизвести всю сложную диалектику предмета, диалектику в ее целостности, надо начинать с самого простейшего противоречия, заключенного уже в исходном пункте, переходя затем к другим, более сложным противоречиям.

Следовательно, исходный пункт, или «начало» процесса восхождения от абстрактного к конкретному, — это самое абстрактное, самое непосредственное и самое общее отношение целого. Такими именно признаками характеризует «начало» процесса восхождения В. И. Ленин. «У Маркса в «Капитале», — пишет Ленин, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (resp. зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (в сумме. — *М. А.*) его отдельных частей, от его начала до его конца» [3].

Когда «начало», исходный пункт найден, главным яв-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 316.
[2] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 41.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 358—359.

ляется развитие системы категорий науки, систематическое раскрытие объективных закономерностей предмета. Это наиболее трудоемкая часть процесса восхождения от абстрактного к конкретному. Основной вопрос, который здесь встает перед исследователем, есть вопрос о последовательности категорий, о порядке рассмотрения отдельных сторон предмета. Дело в том, что правильная последовательность категорий делает ясными и прозрачными все сложные и запутанные отношения действительности. «...Самые замысловатые экономические проблемы, — говорит Энгельс, — выясняются просто и почти наглядно благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную связь...» [1].

Подчеркивая строго определенный порядок в рассмотрении категорий прибавочной стоимости и нормы прибыли, Маркс пишет: «...легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять... ни того, ни другого» [2].

Общим законом рассмотрения категорий в исследовании предмета способом восхождения является следующий: наиболее абстрактная категория должна предшествовать менее абстрактной, или иначе — более конкретная категория должна следовать за менее конкретной. В «Капитале» Маркса последовательность рассмотрения категорий такова: товар, труд, стоимость, деньги, капитал, прибавочная стоимость, заработная плата и т. д. Такой порядок не случаен: товар — менее конкретная и более простая категория, чем стоимость, стоимость — менее конкретная категория, чем деньги, и т. д. При этом Маркс исследует сначала товар, а потом уже на его основе труд, создающий стоимость. Это объясняется тем, что природа (двойственность) труда скрывается в двойственности товара [3]. За категорией труда исследуется категория стоимости, ибо без последней нельзя понять деньги. Ведь деньги — это особая форма стоимости. Далее, в связи с тем, что деньги есть всеобщая форма капитала [4], то они и анализируются раньше капитала. Задача выяснения источника капитала потребовала рассмотрения прибавочной стоимости, что в свою очередь заставило Маркса проанализировать рабочую силу и процесс ее потребления.

Данная последовательность категорий обусловлена самим исследуемым предметом, той ролью, какую играют в нем различные его стороны. Так, если в реальном развитии капиталистического производства рабочая сила порождает прибавочную стоимость, а прибавочная стоимость — капитал,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 121, 1952.
[2] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 222 (примечание).
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 135.
[4] См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 153.

если без товара нет денег, а без денег нет капитала, то и в процессе восхождения категория товара должна предшествовать категориям денег, капитала, прибавочной стоимости, заработной платы и т. д.

Отмечая эту зависимость последовательности категорий от объективной действительности, В. И. Ленин пишет: «Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека»[1].

Следует иметь в виду, что преимущества правильно установленной последовательности категорий в восхождении от абстрактного к конкретному не идут ни в какое сравнение с достоинствами обычных формально-логических дефиниций и доказательств, ибо она, эта последовательность, выражает самый процесс развития. Вообще в восхождении от абстрактного к конкретному дефиниции и формально-логические доказательства отступают на второй план. Здесь не стремятся определить понятия посредством указания ближайшего рода и видового отличия, не пытаются подводить под тезис соответствующие ему аргументы, но устанавливают место каждой рассматриваемой категории в общей системе связей и отношений предмета. Маркс, например, не дает дефиниций, определения денег, как товара, исполняющего роль всеобщего эквивалента, но выводит деньги из товара, показывая, как, выделившись из товарного мира, деньги наряду со всеобщими свойствами приобретают свойства особенные. И это не случайно. Ведь Маркса интересует диалектическое развитие, а дефиниция по самой своей природе выразить развитие неспособна. В процессе восхождения важно указать место, роль каждой категории в развитии.

Общим результатом, итогом исследования, осуществляемого способом восхождения от абстрактного к конкретному, является полная, конкретная диалектическая картина предмета. В нее включаются все добытые в процессе восхождения истины. В общий результат процесса восхождения входят все без исключения категории, развитые в процессе движения от абстрактного к конкретному, начиная с первой из них, наиболее абстрактной, и кончая последней, самой конкретной. Применительно к «Капиталу» итогом восхождения будут все три книги Марксова труда: I книга — учение о процессе производства, II — учение о процессе обращения, III — учение о процессе производства и обращения в целом. В этих трех книгах дается конкретное понятие о капитале, о

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 6.

капиталистическом способе производства и его основных закономерностях.

Говоря о конкретной картине капиталистического производства во всей его плоти и крови, которую дает Маркс в «Капитале», В. И. Ленин указывает, что в «Капитале» Маркс показал «всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями» [1].

Таким образом, применение способа восхождения от абстрактного к конкретному приводит к стройной, последовательно развитой и строго доказанной системе науки.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному содержит в себе характерные, присущие ему одному логические приемы, методы исследования. Применять способ восхождения — это, в сущности, и значит пользоваться данными специфическими приемами.

Конечно, в мышлении, пользующемся методом восхождения, применяются и приемы формальной логики. Однако не они составляют специфику его. Спецификой способа восхождения от абстрактного к конкретному являются другие методы, такие, как исследование диалектических противоречий, установление закона и форм его проявления, изучение явлений в чистом виде и др. Мы остановимся здесь на первых двух.

Диалектические противоречия, раскрытия и изучения которых требует диалектическая логика, характеризуются, как известно, наличием в одном и том же предмете двух обусловливающих и в то же время друг друга исключающих крайностей. Надо уметь исследовать такие диалектические противоречия. Поскольку диалектические противоречия, как источник развития, всегда являются внутренними противоречиями, их надлежит искать в самом предмете.

Маркс в «Капитале» вскрывает противоречия в самом товаре, устанавливая два его фактора: потребительную стоимость и меновую стоимость, первая из которых удовлетворяет какую-либо потребность человека, вторая выражает равенство товаров в процессе обмена.

После установления этого противоречия начинается раздельный анализ составляющих его противоположностей. Сначала анализируется одна противоположность, затем другая, причем порядок анализа их отнюдь небезразличный. Первоначально анализу подвергается противоположность, являю-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 124.

щаяся у данного товара общей с другими продуктами труда. В товаре ею будет потребительная стоимость, поскольку она имеется и у продуктов труда, совсем не являющихся товарами. Затем анализируется противоположность, специфически характерная для товара именно как товара. В товаре такой противоположностью выступает меновая стоимость, являющаяся одновременно ведущей противоположностью товара.

Выявив начальное противоречие предмета и исследовав его противоположные стороны, следует затем установить, что за этим противоречием скрывается, какова сущность, внутренняя основа его. Решая данную задачу, Маркс от анализа противоречия товара переходит к анализу противоречия труда, показывая, что первое противоречие есть лишь выражение второго. Противоречие труда, создающего товар, заключается в следующем: «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости»[1]. Таким образом, за внешним проявлением противоречия вскрывается сущность его. В этом еще одна особенность исследования противоречий способом восхождения от абстрактного к конкретному.

Когда противоречие установлено, проанализированы его стороны и вскрыта основа, на которой оно возникает, начинается прослеживание того, как это противоречие разрешается. Этот этап исследования противоречий обусловлен самой природой восхождения от абстрактного к конкретному как процесса, перед которым стоит задача — воспроизвести исследуемый предмет во всей его диалектической целостности, а следовательно, и противоречивости. При этом следует учитывать, что разрешение противоречия это вовсе не примирение составляющих его противоположностей, но снятие и развитие их. Если противоречие разрешилось, то это значит, что борьба противоположных сил получила новую форму своего движения.

Начав исследование с противоречия товара, К. Маркс показывает, как оно развивается с появлением денег, с превращением денег в капитал, какую форму принимает оно в рабочем дне и т. д. Особенно убедительно показывает Маркс развитие противоречия на примере форм стоимости: простой, развернутой, всеобщей и денежной. В простой форме один товар обменивается на другой. Уже здесь скрытая в товаре

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 53.

внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается через внешнюю их противоположность, — как отношение двух товаров, из которых один играет роль потребительной стоимости, другой — роль меновой стоимости. «...Простая форма стоимости товара, — пишет Маркс, — есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости» [1]. В развернутой и всеобщей формах стоимости эта противоположность все больше усиливается, отделение эквивалентной стоимости от относительной все возрастает. «В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между ее обоими полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой» [2]. В деньгах, этой абстрактной и всеобщей форме всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде [3], отделение стоимости от потребительной стоимости получает полное завершение. Вместе с тем усиливается и противоречие между ними (вообще противоречие акта обмена).

Деньги, появившись на свет для облегчения обмена, выполняют эту свою роль тем, что начинают в определенном отношении тормозить его, ибо разбивают единый акт обмена на продажу и куплю. С появлением денег происходит раздвоение торговли на обмен ради потребительных стоимостей и обмен ради стоимости. Развиваются противоречия в функциях денег как средстве платежа, сокровища (выявляется противоречие между качественной безграничностью накопления и количественной ограниченностью этого накопления в каждый данный момент) и т. д. Однако особенное усиление и усложнение получают заключенные в товаре противоречия тогда, когда деньги превращаются в капитал. Тут противоречия приобретают явно выраженный антагонистический характер, ибо в качестве борющихся сил выступают пролетариат и буржуазия.

Таким путем Маркс прослеживает, как заложенное в товаре противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью меновой, выражающее в свою очередь противоречие конкретного и абстрактного труда, находит развитие в других категориях капиталистического производства. Этим выявляется еще одна характерная черта исследования противоречий способом восхождения. Сами противоречия, исследуемые данным способом, развиваются от неполного и одностороннего их проявления к проявлению все более полному и всестороннему и в этом смысле от абстрактного к конкретному.

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 68.
[2] Там же, стр. 74.
[3] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 89.

Рассмотрим второй логический метод, применяемый в восхождении от абстрактного к конкретному, — метод открытия закона и форм его проявления. Этот метод мы проиллюстрируем на примере установления Марксом закона стоимости.

Подходя к стоимости, Маркс четко различает сущность (т. е. закон) и ее проявление. Он вообще исходит из того, что задача науки заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению. Так как закон стоимости и его проявление не совпадают между собой, то исследование их распадается на два этапа. Первый этап связан с анализом различных форм проявления стоимости и выделением из них самого закона — стоимости. На этом этапе Маркс сопоставляет различные, обмениваемые друг на друга товары. Он начинает рассмотрение с менового отношения, в котором потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода. Здесь сразу же видно, что меновая стоимость отличается от стоимости, поскольку она постоянно изменяется в зависимости от места и времени, тогда как стоимость при данном уровне развития производительной силы труда остается более или менее постоянной. Сопоставляя различные обмениваемые товары, Маркс находит, что у них есть нечто общее. Это общее не есть ни потребительные стоимости, ни цвет, ни вес, ибо все это у них совершенно различно. Очевидно, общим у различных товаров будет то, что они продукты труда, именно абстрактного человеческого труда. Овеществление этого труда есть стоимость, а обмен товаров по стоимости, т. е. в соответствии с количеством затраченного на их производство общественно необходимого труда, составляет закон стоимости.

Второй этап исследования связан с выделением из стоимости различных форм ее проявления, т. е. с выведением меновой стоимости. Этот этап носит уже синтетический характер. Маркс говорит о двух указанных этапах исследования закона следующее: «...мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости» [1]. Выведение форм меновой стоимости (от случайной вплоть до денежной) из стоимости вскрыло мнимую загадочность денег, оно показало, что цена и стоимость не одно и то же. Это исследование, за которое буржуазная политическая экономия даже не пыталась взяться, показало, что цена есть лишь одна из форм выражения стоимости, а именно денежная форма.

Синтетическое выведение форм стоимости позволило из-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 54.

бежать затруднения, с которым столкнулся, в частности, Д. Рикардо, обнаружив факты продажи товаров по цене выше или ниже их стоимости. Ограничиваясь одним анализом без синтеза, Д. Рикардо, говорил Маркс, «перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение... экономических категорий между собою»[1]. В противоположность Д. Рикардо Маркс исследовал все «необходимые промежуточные звенья» и показал, почему цена производства не совпадает со стоимостью. Маркс установил, что в различных отраслях капиталистического производства существует неодинаковое органическое строение капитала, вследствие чего имеются и различные нормы прибыли. Конкуренция капиталов приводит к выравниванию нормы прибыли, устанавливая среднюю между ними. На этой основе складывается цена производства, которая, естественно, не может совпадать со стоимостью. Еще больше не совпадает со стоимостью рыночная цена, обусловленная конкуренцией товаропроизводителей (заставляющей их в целях сбыта продавать товары несколько дешевле), колебанием спроса и предложения и т. п.

Итак, способ восхождения от абстрактного к конкретному есть метод воспроизведения предмета как единого и вместе с тем диалектически расчлененного целого. Его задачей является воссоздание в теоретически последовательной форме целостной картины изучаемых явлений. Восходя от абстрактного к конкретному, мы переходим от одной категории к другой, от низшей к высшей. В результате создается система связанных между собой категорий. Данная связь имеет необходимый характер, она исключает какую бы то ни было случайность, а тем более произвол. В этом одно из значений способа восхождения от абстрактного к конкретному, как метода научного исследования.

Особое значение процесса восхождения от абстрактного к конкретному состоит в том, что он, взятый в его общем виде, соответствует развитию реальных предметов. Дело в том, что абстрактная категория, которая в восхождении рассматривается раньше конкретной, выявляет отношения, исторически предшествующие тем отношениям, которые выражаются в более конкретной категории. Так, товар как категория рассматривается раньше категории денег; категория товара более проста, чем категория денег. Но и исторически реальный товар возник раньше денег. Имея в виду эту зависимость, Маркс заключил, что «законы абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому процессу»[2]. Это означает,

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 7. М. 1955.
[2] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 215.

что способ восхождения, представляющий собой систематическую форму применения диалектического метода, является «единственно правильной формой развития мысли». В нем не только достигнутый результат обладает значением истины, сам путь получения результата предстает как истинный. А это весьма важно. Как говорил Маркс: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным» [1].

Ленин в «Философских тетрадях» несколько раз указывает на то, что у Плеханова единство и борьба противоположностей, эта суть диалектики, превращается в сумму примеров, а не излагается как закон развития материального мира и познания. Плеханов больше иллюстрировал единство и борьбу противоположностей примерами, чем раскрывал его как всеобщий, универсальный закон. Аналогичная ошибка встречается и у некоторых наших философов, в трудах которых не только закон единства и борьбы противоположностей, но подчас диалектика в целом выступает как собрание одних примеров, а не как научная система, отражающая закономерности всего существующего.

Чтобы избежать ошибки Плеханова, надо от иллюстраций отдельных положений диалектики перейти к систематическому раскрытию диалектических закономерностей самого исследуемого предмета. Тогда диалектика перестанет быть суммой иллюстраций и действительно превратится в инструмент, орудие познания. Но такое систематическое раскрытие диалектических закономерностей изучаемого предмета лучше всего достигается способом восхождения от абстрактного к конкретному, что хорошо подтверждается «Капиталом» Маркса. У Маркса в «Капитале» вскрывается диалектика в самом исследуемом предмете. Диалектика у него не иллюстрируется примерами, она вытекает из самой природы изучаемого объекта. Именно в этом и состоит «объективность рассмотрения», на которую указывал Ленин в своих элементах диалектики: «...не примеры, не отступления, а вещь сама в себе...» [2].

Нет необходимости доказывать, что диалектическое исследование способом восхождения от абстрактного к конкретному, осуществленное Марксом в политической экономии, имеет всеобщее значение. Оно может быть реализовано в любой науке.

Каждая наука при достижении ею определенного уровня развития может быть построена способом восхождения от абстрактного к конкретному. В каждой науке, конечно, может быть и должно быть найдено начало, «клеточка», исходный пункт восхождения. В химии, например, таким началом,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 7.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 213.

«клеточкой» является элемент, в биологии — клетка, из которой развилось многообразие растительных и животных организмов; в арифметике — число и т. д. В науке о мышлении, логике, которая с Аристотеля и до наших дней излагается аналитическим способом, также может быть применен метод восхождения от абстрактного к конкретному с выделением исходного пункта, «начала». Диалектически излагая учение о формах мышления, следует начинать с понятия, а не суждения и умозаключения, потому что понятие есть «клеточка» мышления. В понятии содержатся все противоречия мышления, получающие свое движение и разрешение в суждении и умозаключении. Отражаемое в понятии противоречие между единичным и общим (а также особенным и единичным, общим и особенным) находит свое дальнейшее развитие в суждении и умозаключении, где оно поляризуется, раздваивается на субъект и предикат, меньшую и большую посылки и т. д.

На всеобщее значение способа восхождения от абстрактного к конкретному указывает Ленин в «Философских тетрадях». Подчеркнув (в приводившемся уже высказывании), что у Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, массовидное «начало» всех противоречий капитализма, Ленин тут же заключает: «Таков же должен быть метод изложения (resp. изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»[1].

Приведем другие примеры (уже из области естественных наук), показывающие развитие мыслей в форме восхождения от абстрактного к конкретному.

Первый пример мы возьмем из биологии, точнее — из ботаники.

В своих знаменитых 10 лекциях о жизни растения К. А. Тимирязев ставит вопрос, с чего надо начинать изложение и как вообще нужно излагать этот вопрос. Жизнью растений занимается как физиология, так и морфология. Морфология описывает различные формы жизни, физиология, напротив, должна объяснить эти формы. Так как «историческое развитие каждой науки требует, чтобы простейшее в ней предшествовало более сложному»[2], то ясно, что морфологическое исследование растения должно предшествовать физиологическому. «...Физиологическое направление могло появиться в науке позже, т. е. только после развития физики и химии...»[3]. Как действие машины, говорит К. А. Тимирязев, можно понять лишь после ознакомления с ее устройством, так и физиологию растения можно понять только

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 359.
[2] К. А. Тимирязев. Жизнь растения, стр. 42. М. 1950.
[3] Там же.

после знакомства с его морфологией. Но морфологически растение предстает перед нами в качестве сложного организма, в котором отчетливо различаются такие элементы, как семя, стебель, корень, лист и др. Где начало, с которого надо начать морфологическое изучение растения? Кажется, таким началом является семя, ибо оно представляет начало и конец растительной жизни. С семени растение начинает свою жизнь, семенем оно и заканчивает; далее идет уже повторение жизненного цикла. Но это только кажется, ибо имеются растения (папоротники, мхи, грибы и др.), которые размножаются не из семени, а из спор, представляющих собой в сущности клеточку. Клеточка содержится и в семени обычных растений. Таким образом, исходным пунктом должна быть клеточка. «В клеточке, — говорит К. А. Тимирязев, — мы должны видеть простейшее исходное начало всякого организма; ее мы уже не в состоянии разделить на части, способные к самостоятельному существованию; это — действительный предел, далее которого не идет наш морфологический анализ, это — органическая единица» [1]. И далее: «...без знакомства с клеточкой невозможно понять строение и жизнь растительных органов, которые образованы их сочетанием. Подобно тому, как в химии мы начинаем изучение веществ с простых тел, элементов, и затем переходим к их соединениям, так и в настоящем случае изучение растительных органов должно начинать с их *элементарного органа* — клеточки» [2].

Начав с клетки, этого кирпичика живого организма, К. А. Тимирязев прослеживает ее состав и функции, которые она выполняет. Затем он переходит к более сложному образованию растения, к семени, которое также изучает с точки зрения его структуры и выполняемой роли в жизни растения. От семени он переходит к корню (именно потому, что последний появляется из семени, когда оно брошено в землю), от корня к листу, от листа к стеблю и т. д. Весь процесс исследования (изложения) растения идет в направлении от абстрактного к конкретному, от менее конкретного к более конкретному. Особой конкретности исследование достигает тогда, когда рассматривается взаимодействие всех органов растения, вместе взятых.

К. А. Тимирязев, очерчивая этот путь исследования от абстрактного к конкретному, или, как он его называет, «восходящий синтетический путь», пишет: «Таким образом, взорам физиолога представляется все более и более расширяющийся горизонт. Изучив жизнь отдельных органов и прежде всего элементарного органа, из которого слагаются все

---

[1] К. А. Тимирязев, Жизнь растения, стр. 58.
[2] Там же, стр. 59.

остальные, т. е. клеточки, изучив общую картину взаимодействия органов, т. е. совокупную жизнь целого растения, он стремится понять, насколько это доступно, жизнь всего растительного мира, рассматриваемого как целое, и этим путем пытается пролить свет на самый широкий и загадочный вопрос — вопрос о происхождении растения и о причине его совершенства, или, другими словами, вопрос о гармонии, о целесообразности органического мира»[1].

В качестве второго примера восхождения от абстрактного к конкретному можно привести открытие и разработку Д. И. Менделеевым своей периодической системы и вообще объяснение им всей сложности существующих в природе химических веществ.

Разрабатывая периодическую систему химических элементов, Д. И. Менделеев, как на это указывает Б. М. Кедров[2], начинает с «клеточки», каковой в данном случае является NaCl. Это соединение — самая обычная, широко встречающаяся соль, давно изученная и достоверная. Данная соль представляет собой соотношение двух простых и вместе с тем полярно противоположных элементов — натрия и хлора. Исходя из этой клеточки, Д. И. Менделеев перешел затем к сопоставлению двух групп наиболее несходных между собой элементов: галоидов и щелочных металлов. Сопоставление этих групп показало, что они лишь в развернутом виде представляют то, что как нераскрытое содержалось в соединении NaCl. Следующий шаг исследования связан с детальным знакомством с составом каждой из указанных групп, с распределением элементов в этих группах в зависимости от их химических свойств (обусловленных атомным весом). Вслед за тем выделяются группы O, N, C, а несколько дальше группы металлов Mg и Na. В результате образовался непрерывный переход от сильных неметаллов (галоидов) через слабые неметаллы, переходные группы и слабые металлы к сильным металлам (щелочным металлам). При этом обнаружилась периодическая повторяемость свойств элементов, расположенных в последовательный ряд по их атомным весам, повторяемость, которая привела к созданию стройной, широко разветвленной периодической системы.

Д. И. Менделеев, как замечает Б. М. Кедров, не только применяет в практике научного исследования метод восхождения от абстрактного к конкретному, он возвышается при этом до широких теоретических обобщений, подчеркивая приложимость этого метода к другим областям знания. Д. И. Менделеев пишет: «Так, возвышаясь, дойдем, начавши от условных нуля и единицы, до безусловной бесконечности,

[1] К. А. Тимирязев. Жизнь растения, стр. 62—63.

[2] См. Б. М. Кедров. День одного великого открытия. М. Соцэкгиз. 1958.

Путь мысли той так же — ни больше, ни меньше — ясен и прост, неизбежен и полезен, как тот путь идеи, по которому все видимое слагается из неделимых атомов, все живое — из клеток, как первых и простейших единиц, до которых добрался современный глаз. Только самый низший организм есть единичная клетка» [1].

Для иллюстрации восхождения от абстрактного к конкретному, осуществляемого в сокращенной форме (без указания исходного пункта, «клеточки»), можно было бы сослаться на принятое в некоторых книгах изложение механики.

«Законы равновесия, — пишет автор одного из учебников механики, — по существу гораздо проще общих законов движения; отсюда понятно, что статика гораздо проще и элементарнее тех отделов механики, которые посвящены исследованию явлений движения тел. Ввиду этого мы и начнем в этой первой части нашего курса изучение механики со статики (отдел первый)... Затем мы перейдем к изучению *движения* материальных тел. При этом сначала (во втором отделе настоящей части) мы будем заниматься исследованием движения тел с чисто *геометрической* стороны». Это будет кинематика. «Потом (во второй части курса) мы обратимся к исследованию движения материальных тел в связи с *физическими* причинами, его определяющими» [2]. Это будет динамика. «Изучением движения с кинетической точки зрения может быть подготовлено и облегчено более широкое динамическое исследование вопроса. Отсюда следует, что изучение кинематики должно предшествовать изучению динамики» [3].

Следовательно, изложение статики предшествует изложению кинематики, а изложение последней предшествует изложению динамики. Это обусловлено тем, что категории кинематики более конкретны, чем категории статики, а категории динамики более конкретны, чем категории кинематики. Развитие мысли идет, таким образом, от абстрактного к конкретному и от простого к сложному.

Следует отметить, что изложенное и проиллюстрированное развитие мыслей в направлении от абстрактного к конкретному осуществляется не только в каждом отдельном познавательном акте. Фактически оно стихийно пробивает себе дорогу и в истории познания. Любое историческое движение знания есть в сущности движение его от абстрактного, неполного отражения действительности к отражению конкретному, более полному и многостороннему. В качестве

[1] Цит. по книге Б. М. Кедрова «День одного великого открытия», стр. 193.
[2] Е. Л. Николаи, Теоретическая механика, ч. I, стр. 9, 10, 1958.
[3] Там же.

примера такого исторического движения знания от абстрактного к конкретному может служить развитие понятия числа в математике.

Первоначальным понятием о числе было понятие *натурального* числа: один, пять, семь, десять и т. п. Это было простое, абстрактное понятие о числе, родившееся из практики счета. Позднее появились операции над числами, и среди них стали различать числа целые и дробные, положительные и отрицательные, а также нуль. Это привело к более богатому, многостороннему понятию числа, понятию *рациональных* чисел. Но совокупность рациональных чисел оказалась недостаточной для изучения непрерывных величин. Произошло новое обогащение понятия числа. К рациональным числам присоединились иррациональные, образовалось понятие *действительного* числа. И на этом конкретизация понятия числа не прекратилась. Практика решения уравнений второй степени показала, что, кроме действительных чисел, существуют еще числа мнимые ($\sqrt{-1}$). Образовалось, таким образом, понятие *комплексного* числа, в форме которого может быть выражено (записано) любое число. Комплексные числа являются самыми конкретными в рассматриваемом ряду. Таким образом, могут быть установлены следующие основные этапы исторической конкретизации и обогащения понятия числа: натуральные числа, рациональные числа, действительные числа, комплексные числа.

Приведенный пример интересен также и в том отношении, что он показывает конкретизацию понятия, осуществляющуюся диалектическим (полярным) образом. В самом деле, присоединение к натуральным числам противоположных, ненатуральных дает рациональные числа, присоединение к рациональным числам противоположных, нерациональных дает действительные числа, присоединение к действительным числам противоположных, недействительных (мнимых) дает комплексные числа. Всюду — диалектическое раздвоение.

ЕДИНСТВО ЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО

Проблема исторического и логического имеет несколько сторон, которые необходимо четко различать. В широком смысле слова «историческое» — это объективное развитие предмета, «логическое» — отражение этого предмета в мышлении человека. В этом широком плане данная проблема совпадает с основным вопросом философии в двух его аспектах.

В узком смысле историческое и логическое означают соответственно историю и объективную логику предмета и основанные на них исторический и логический способы исследования. Разберем их.

Каждый предмет, явление имеет свою историю и объек-

тивную логику. История — это конкретное развитие предмета, последовательная временная смена различных его состояний с момента возникновения до настоящего времени. Историческое развитие не свободно от случайностей, зигзагов, поворотов, попятных движений. В отличие от истории объективная «логика» — это принцип развития предмета, существенная его закономерность, необходимый закон развития. Она не содержит в себе случайностей, зигзагов, поворотов, попятных движений. Когда говорят о «логике вещей», «логике событий», «логике классовой борьбы», то этим хотят как раз подчеркнуть необходимую закономерность, последовательность вещей, закономерность событий, классовой борьбы [1]. В «логике» развитие представлено в наиболее чистом и концентрированном виде. Объективная «логика» — это квинтэссенция развития, выявляющая его общую линию, основные моменты, тенденции; частностям в логике места нет. Поэтому в логике хронология совсем не обязательна, хотя в истории без нее нельзя сделать ни одного шага.

Возьмем пример развития Советского Союза. Объективную «логику» развития этого государства составляют основные ступени, каковыми являются: победа пролетарской революции, гражданская война, восстановительный период, строительство социализма, переход от социализма к коммунизму. Это такие этапы, которые составляют суть движения Советского Союза (как особого государства) по пути к коммунизму [2]. В «логику» развития Советского Союза входят главные движущие силы, коммунистическая партия и генеральное направление ее деятельности и т. п. Но в эту «логику» не включается: когда, где, сколько было образовано колхозов, какие, какого масштаба и кем построены те или иные предприятия и т. д.

Нетрудно видеть, что различаемые здесь моменты «истории» и «логики» имеют в основе своей тот же характер, что явление и сущность, только берутся они применительно к самому процессу развития. В таком понимании история есть развитие в его проявлении, логика (объективная) есть развитие в его сущности; или иначе: история — это проявление, а объективная логика — сущность развития.

Указанные характеристики истории и логики имеют место не только в движении объективных предметов, они относятся и к субъективному процессу познания, к мышлению. В познании, мышлении развитие также заключает в себе и историю и логику. В любом познавательном процессе мы можем наблюдать и конкретное многообразие и сущность, и

[1] Примечательно, что этимология греческого слова λογος включает, как одно из основных, значение «закона».

[2] Для других социалистических государств некоторые из этих этапов совсем не обязательны.

случайную индивидуальность, и необходимую закономерность. Здесь, как и в объективных предметах, логика и история составляют две стороны одного и того же процесса развития, развития познания. Сошлемся на один пример.

Историческое развитие знания о превращении энергии фактически осуществлялось так. Первобытные люди в результате наблюдений явлений природы высказали суждение: «Трение превращается в теплоту». Надо было пройти многим тысячам лет, чтобы люди установили (не сразу и не без сомнений и колебаний), что «всякое механическое движение превращается в теплоту». Спустя некоторое время знание достигло той ступени, когда можно было сформулировать более глубокое по своему содержанию суждение: «всякий вид движения превращается в теплоту, и наоборот». Так исторически развивалось знание. Но в этом развитии была и своя логика, своя закономерность. Она, логика, состояла в том, что процесс развития проходил, как отмечает Энгельс, по ступеням единичности, особенности, всеобщности. Первое суждение было суждением единичным, второе — суждением особенным и третье — суждением всеобщим.

Между историей и логикой, как между проявлением и сущностью развития, имеется диалектическое противоречие. История есть нечто конкретное, многообразное, связанное с определенным местом и временем. Логика, напротив, есть нечто общее, абстрактное (с эмпирической точки зрения), необходимое, закономерное. В истории встречаются зигзагообразные движения, скачки, большие уклонения в сторону, возвращения назад. История в своей специфичности неповторима, своеобразна, индивидуальна. Логика, выражая существенные законы, повторяется, выступает как нечто общее, устойчивое. В этом смысле история и логика отрицают друг друга: то, что есть одно, не есть другое, и наоборот.

Однако, как и всякие диалектические противоположности, история и логика существуют в единстве и дополняют друг друга. История существует потому, что есть объективная логика: точно так же логика имеется потому, что дана история. Логика и история — это два момента одного и того же процесса развития. Полный процесс развития предмета выражается лишь в единстве истории и объективной логики.

Соответственно двум моментам развивающегося предмета, его истории и объективной логики, изучение его развития может быть двояким: либо историческим, либо логическим. Можно воспроизводить в мышлении развитие изучаемого предмета, опираясь на историю его, а можно воспроизводить это развитие, опираясь на логику, на существенные закономерности. В обоих случаях преследуется одна и та же цель — показать развивающийся предмет. Но средства достижения этой цели различные.

В науке в одинаковой мере применяются как первый способ воспроизведения развития предмета, так и второй. Первый способ применяется преимущественно в исторических науках (историческая грамматика, историческая геология, историческая биология) и прежде всего в науке истории (например, в гражданской истории), второй способ — в философских науках (например, в историческом материализме). Воспроизведение развития предмета на базе его истории определяет исторический способ исследования; то же воспроизведение развития предмета на базе его логики дает логический способ исследования.

Поясним различие указанных способов исследования.

Наука история воспроизводит объективное развитие общества, его различные, сменяющие друг друга во времени этапы. Делает она это, опираясь на объективную историю общества (чем, собственно, и обусловлено ее название). В науке истории прослеживаются события за событиями, рассматривается развитие экономики, классовой борьбы, революций и войн; анализируется рост культуры и науки по эпохам и странам и т. д. Но то же развитие общества изучается и в философии, в историческом материализме. Специалисты в области исторического материализма также интересуются тем, как развивается общество, что лежит в основе этого развития, какие основные этапы оно проходит, какова роль в развитии общества экономического базиса, идеологии и т. д. Но если историки обращают внимание на конкретно-фактическую сторону дела, которая выражается в исторической смене событий (хотя и она связана с законами), то интерес специалистов исторического материализма лежит в другом — в существенных его закономерностях, взятых в чистом виде. В отличие от истории исторический материализм как философская наука занимается наиболее общими законами развития общества.

В качестве примера применения логического и исторического способов исследования можно привести «Капитал» Маркса. В «Капитале» наряду с анализом буржуазного производства дается критика защищающей это производство буржуазной политической экономии (не случайно подзаголовок «Капитала» носит название «Критика политической экономии»), причем критика эта осуществляется в различных томах по-разному. В I, II и III томах она, как на это указывал сам Маркс, ведется логически, в систематической форме. Напротив, в IV томе («Теории прибавочной стоимости») критика осуществляется исторически. Здесь Маркс критикует буржуазную политическую экономию по школам, как они исторически сменяли друг друга. Налицо два разных способа критики буржуазной политической экономии.

Метод «Капитала» Маркса (собственно, первых трех то-

мов его) можно назвать логическим еще и в другом смысле. В «Капитале» Маркс воспроизводит развитие не того или иного конкретного капитализма, скажем английского, но капитализма вообще, капитализма как такового. Он раскрывает законы развития капиталистической общественно-экономической формации (хотя в отдельных главах, например, при прослеживании рабочего законодательства, Маркс прибегает и к историческому методу, приводя богатый конкретный материал из истории Англии). В отличие от «Капитала» такая работа В. И. Ленина, как «Развитие капитализма в России», написана в основном исторически, в ней воспроизводится конкретная история капитализма в России. Правда, в этом труде В. И. Ленин широко пользуется и логическим способом.

Сущность исторического и логического способа исследования обстоятельно раскрыл Энгельс в своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии».

Опираясь на диалектический метод, говорит Ф. Энгельс, критику буржуазной политической экономии можно проводить двояко: исторически или логически. Исторический способ состоит в прослеживании действительного развития, его конкретных форм. На первый взгляд этот способ представляется наиболее рациональным, но на деле он, в лучшем случае, оказывается только более популярным и доходчивым. История нередко идет скачками, делает зигзаги, порой топчется на месте, а иногда даже идет назад. Если следовать за историей, то необходимо принимать во внимание много такого материала, который имеет меньшую важность или вообще не имеет никакого отношения к делу. Во-вторых, следование за историей неизбежно прерывает ход изложения мыслей. Немаловажное значение имеет здесь и то, что нельзя писать историю политической экономии, не касаясь самого объекта этой политической экономии, буржуазного производства. Писать же историю последнего при отсутствии всякой подготовительной работы означало бы растянуть работу на длительное время. Все это, говорит Энгельс, делает исторический способ критики политической экономии менее рациональным. Единственно уместным оказывается логический способ, при котором исследуемый предмет берется в чистом виде, свободном от всяких зигзагов и случайностей, и применение которого позволяет вскрыть в предмете закономерность, «логику» развития. Но, в сущности, логический способ это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих его случайностей. Логический способ начинает с того же, с чего начинает исторический способ, и устанавливаемые им этапы развития в общем и целом совпадают с этапами, фиксируемыми историческим способом. Разница состоит только в том, что если в

историческом способе дается конкретная картина развития предмета во всем его многообразии, то логический способ дает исправленную картину, исправленную не по прихоти исследователя, но согласно объективным законам, по которым протекает действительно исторический процесс. Это исправление заключается в том, что каждый момент рассматривается в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы.

Как видно, согласно Ф. Энгельсу исторический и логический способы исследования (изложения) отличаются друг от друга и вместе с тем образуют между собой тесное единство. Их отличие состоит не в том, как думают неокантианцы, что первый способ есть эмпирический, обрекающий исследователя на голое перечисление фактов, игнорирующий закономерности, а второй — теоретический (оба они теоретические способы), а в том, что при историческом способе допускаются отступления, привлекается побочный материал, прослеживается конкретное развитие; при логическом же способе ничего этого нет.

Единство исторического и логического способов исследования выражается в том, что оба они генетические способы, раскрывающие генезис (возникновение), развитие предмета, в том, что они формы одного и того же диалектического метода. Это единство нельзя сводить лишь к необходимости исторических примеров, иллюстраций при пользовании логическим способом или к требованию осуществлять обобщения при историческом способе. Все своеобразие диалектического метода в том и состоит, что при изучении истории дается логика этой истории, логика основных закономерностей, характеризующих исторический процесс. Образцом единства логического и исторического может служить анализ Марксом форм стоимости в «Капитале», в котором в логической форме воспроизведена история развития стоимости.

Единству исторического и логического способов исследования (а это суть всей проблемы логического и исторического) придавал огромное значение В. И. Ленин. Это единство Ленин выразил в следующих словах: «В логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления»[1]. И в другом месте: «Логика есть... итог, сумма, вывод *истории* познания мира»[2]. В. И. Ленин считал подтверждение и обобщение этого важнейшего диалектического принципа на примерах конкретных наук, на фактах истории познания продолжением дела Маркса.

В. И. Ленин не только теоретически обосновал необходимость сочетания в исследовании логического метода с ис-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 314.
[2] Там же, стр. 80—81.

торическим. Он дал блестящие образцы такого сочетания. Мы сошлемся на знаменитую книгу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В этой книге, посвященной исследованию новой стадии капитализма — империализма, В. И. Ленин привлекает богатый эмпирический материал по истории империализма в таких странах, как Англия, Германия, Франция и др. Он прослеживает по отдельным странам и даже по отдельным отраслям промышленности, как складываются, возникают и развиваются новые черты, характеризующие империалистическую стадию капитализма. В. И. Ленин пользуется в этом случае историческим методом. Вместе с тем в каждой рассматриваемой стране он находит общее, существенное, что присуще любому империализму, — концентрацию капитала, образование финансовой олигархии, вывоз капитала вместо вывоза товаров, создание международных монополистических объединений, делящих мир, окончание раздела мира между крупнейшими капиталистическими державами. Единство исторического и логического методов исследования у В. И. Ленина выражено в следующем кратком, но глубоком по своему значению положении: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»[1].

Может показаться, что положению диалектической логики о единстве логического и исторического (в только что рассмотренном аспекте) противоречит ряд фактов научного познания, когда ученый не следует прямо за историей развития предметов, а избирает иной путь, иногда даже обратный направлению истории. Но это только кажется. В действительности никакого противоречия принципу единства логического и исторического здесь нет.

На самом деле, случаев, когда исследование движется обратным (по отношению к действительному развитию предмета) путем, очень много. Их можно встретить в «Капитале». Повсеместно они встречаются в жизни (достаточно сослаться на факты нахождения причин по их следствиям). Сам Маркс отмечает эти случаи в своем «Капитале». Вот один из них. «В ходе научного анализа, — пишет Маркс, — исходным пунктом образования общей нормы прибыли являются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация вследствие вмешательства купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 214.

впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс производства» [1].

Однако эти случаи совсем не отрицают единства логического и исторического в том смысле, который мы только что установили. Наоборот, в них это единство также осуществляется неукоснительным образом.

Надо учитывать, что для соблюдения принципа единства логического и исторического вовсе не требуется, чтобы исследователь везде и всюду придерживался той последовательности категорий, в которой исторически выражались те или иные (соответствующие категориям) отношения. Вопрос о последовательности категорий (а о нем здесь, собственно, и идет речь) нельзя решать просто. Последовательность эта обусловлена задачами и целями исследования, которые в свою очередь определяются объективными факторами.

Чтобы выяснить причины, обусловливающие последовательность категорий в изложении той или иной науки, необходимо остановиться на двух видах связи, присущих каждому предмету и имеющих определенное отношение к его логике и истории.

В каждом предмете можно установить двоякого рода связь. Одна связь — историческая — характеризуется тем, что в ней элементы относятся друг к другу как предшествующее и последующее, низшее и высшее, ранее возникшее и возникшее позднее. Примером этой связи является связь ступеней развития. Ступени развития (скажем, человеческого общества) относятся друг к другу как предшествующее и последующее. Первобытное общество предшествует рабовладельческому, рабовладельческое — феодальному и т. д. Историческая связь в таком ее понимании это связь временная. Другой вид связи обладает противоположными свойствами, в ней связываемые элементы выступают не как предшествующее и последующее, но как одновременно существующие. Эту связь в отличие от первой можно назвать структурной, или, точнее, пространственной (так как структура есть и в истории). Примером структурной связи служит связь частей надстройки: философии, религии, права и т. п. Нельзя сказать, что в том или ином обществе философия существует раньше права, право раньше религии и т. д. Эти части надстройки даны вместе, они сосуществуют.

Исторические и структурные связи в различных науках называются по-разному. В языкознании — это диахрония и синхрония, в геологии — вертикальный и горизонтальный разрезы и т. д.

Отмеченные два вида связи имеют место не только в объектах действительности, но и в науке. В науке также различают историческую связь (это то, что обычно называют

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 298.

историческим построением науки, или просто историей науки) и структурную связь (называемую систематическим построением науки, структурой ее). В основе истории науки (истории физики, истории философии, истории языкознания) лежат связи первого рода, в основе теории науки — связи второго рода. Это, между прочим, и дает основание различать историю физики и физику, историю философии и философию, историю языкознания и языкознание и т. п.

Хотя историческая и структурная связи одна без другой не существуют и тесно связаны между собой, как, например, диахрония и синхрония в языкознании, тем не менее различать их необходимо. В процессе познания чрезвычайно важно знать, с каким видом связи мы имеем дело: со структурной или исторической. Важно также знать, в какой мере знание исторических связей помогает раскрытию связей структурных, и наоборот. На необходимую, важную связь знания истории и логики предмета указывает Н. Г. Чернышевский: «Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»[1].

Значение знания истории предмета для раскрытия его логики глубоко раскрыл В. И. Ленин. «...Самое важное, — говорил Ленин, — чтобы подойти к... вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[2]. Исторический подход, учит диалектическая логика, является необходимой предпосылкой раскрытия сущности вещей. Но не меньшее значение имеет и знание структурных связей для раскрытия связей исторических. Нельзя проследить историю предмета, не зная, что собой представляет этот предмет.

Аналогичное соотношение существует и в самой науке. Чтобы хорошо знать теорию науки, надо быть знакомым с ее историей, а чтобы проникнуть в историю науки, необходимо иметь представление о самой науке, теории ее. Здесь этот вопрос имеет даже большее значение, так как к нему присоединяется новая сторона дела — в каком соотношении должны быть взяты история науки и теория науки (например, история философии и теория философии — диалектический и исторический материализм) в процессе изучения, какой удельный вес должна занимать каждая из них в системе знаний, даваемых этой наукой.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, т. 1, стр. 303. 1950.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

Два рассмотренных типа связей, исторические и структурные, обусловливают два типа последовательности категорий при развитии науки, т. е. в теоретическом исследовании.

Дело в том, что хотя в общей системе наук исследование исторических связей переплетается с исследованием связей структурных, тем не менее в конкретном процессе познания на первый план может выступать то одна из них, то другая. Случаи эти нередко встречаются и в «Капитале». На одни из них прямо указывает Маркс: «То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом *последовательно во времени* (историческая связь. — *М. А.*), теперь мы рассматриваем как *одновременно существующие* (структурная связь. — *М. А.*) различия между вложениями капитала, сделанными одно рядом с другим в различные сферы производства»[1].

Если перед исследователем стоит задача проследить в предмете исторические связи (а для этого необходимы определенные условия, каковых для некоторых наук еще в достаточной степени нет), то, естественно, логическая последовательность рассмотрения сторон предмета будет полностью соответствовать временной последовательности их в истории этого предмета. Каков ход исторического развития предмета, таков ход и логического движения категорий. И единство исторического и логического тут налицо. Ведь задача и состоит в том, чтобы выразить в логике историю развития во всех ее основных этапах.

Если же исследователь ставит цель дать не историю предмета, а его структуру, проследить структурные связи в предмете, как они сосуществуют в одно и то же время, то ясно, что он не может располагать категории в той последовательности, в какой исторически выступали соответствующие им отношения. Определяющим здесь должно быть место, роль, какую играет то или иное отношение в общей структуре предмета. Так, если в буржуазном обществе товарные отношения обусловливают денежные отношения, а эти последние — отношения капитала, то и при научном их выведении категория товара должна предшествовать категории денег, а категория денег — категории капитала. Такая последовательность дает возможность проникнуть во внутренний механизм, в существенную структуру буржуазного производства. Разбирая вопрос о последовательности рассмотрения категорий при исследовании структуры буржуазного общества, Маркс пишет: «Таким образом, недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 150. (Подчеркнуто нами. — *М. А.*).

в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития» [1].

Подобное несовпадение исторической последовательности категорий (т. е. последовательности категорий в истории знания) с логической отмечает К. А. Тимирязев. Исторически объяснение современного состояния органического мира началось с помощью морфологических исследований, сравнительного метода. Затем оно было дополнено физиологическими исследованиями с их экспериментальными методами. Наконец, это объяснение начали осуществлять, применяя к биологии исторический метод. В современной же науке картина органического мира строится иначе. На первом месте стоит физиологическое исследование, на втором — морфологическое, на третьем — историческое (дарвинизм) [2].

Однако эти факты не говорят о том, что тут вообще нет совпадения, единства исторического и логического методов, о котором мы говорили выше. Единство это сохраняется, и выражается оно здесь в следующем. В истории всякое развитие идет от простого к сложному. Развитие есть процесс усложнения, совершенствования: более простое отношение появляется раньше более сложного. Но ведь это же имеет место и в логическом процессе развития мыслей при исследовании структуры предмета, сосуществующих его отношений. Здесь также более простая категория (товар) рассматривается раньше более сложной (деньги). Совпадение это касается самой формы движения мысли и не всегда затрагивает содержательную сторону категорий. Его нельзя истолковывать в том вульгарном смысле, будто всякое изучение предмета должно быть изучением его неповторимой, индивидуальной истории.

Итак, мы видим, что единство исторического и логического методов исследования состоит не в том, чтобы всюду придерживаться хронологии предмета, и не в том, чтобы отождествлять логику и историю предмета, а в том, что воспроизведение логики предмета в общем и целом совпадает с воспроизведением истории предмета. Последнее же обусловлено тем, что в самом предмете объективная логика, существенная закономерность его связана с историей, с конкретным проявлением этой закономерности в том или ином отдельном случае.

Единство логического и исторического в вышеуказанном

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 221.

[2] См. К. А. Тимирязев. Соч., т. VIII, стр. 124—125. 1939. О несовпадении в изложении логической последовательности с исторической см. также К. Ф. Огородников. Динамика звездных систем, стр. 71. М. 1958.

смысле, соответствие первого второму является общим законом всякого правильного научного познания. Оно имеет место не только в политической экономии, не только в «Капитале» Маркса, но и в других науках. Чтобы убедиться в этом, сошлемся на теоретическую механику, к которой мы уже обращались раньше.

В теоретической механике, если она строится на основе логического метода, изложение начинается с раздела статики, занимающейся изучением условий равновесия тел. Затем переходят к кинематике, которая исследует движение, но с геометрической, абстрактной точки зрения. Наконец, излагают динамику, где движение тел берется уже в связи с теми физическими причинами, которые его определяют. Но такая же последовательность имела место и в истории развития теоретической механики, на что указывают сами специалисты в этой области знания. «Такой порядок изложения, — пишет упоминавшийся уже нами Е. Л. Николаи, — соответствует и историческому ходу развития механики. Основные теоремы статики были известны еще древним, плодотворное же изучение явлений движения стало возможным лишь в связи с изобретением анализа бесконечно малых в XVII веке» [1]. Следовательно, если бы мы начали излагать саму историю теоретической механики, мы также должны были бы начинать со статики, переходя затем к кинематике и динамике.

С проблемой исторического и логического тесно связан вопрос о том, как относится развитие какого-нибудь понятия в истории мышления к развитию его в голове отдельного человека. Но мы уже не будем на нем останавливаться.

Восхождение от абстрактного к конкретному, единство логического и исторического, которые мы рассмотрели, являются формами диалектического мышления. Они формы его потому, что в них осуществляется именно диалектическое мышление, ими пользуется диалектически мыслящий человек.

Кроме указанных основных форм диалектического мышления, диалектическая логика изучает и многие другие формы. К ним относятся, как уже отмечалось, единство индукции и дедукции, анализа и синтеза, формы и содержания и многие другие. Эти формы находятся между собой во внутренней диалектической связи и взаимозависимости и всегда применяются вместе, хотя в каждом отдельном случае на первый план может выступать то одна из них, то другая.

Возьмем анализ и синтез. В формальной логике анализ — это расчленение целого на составляющие его части, синтез, напротив, соединение частей в единое целое. Не отвергая эту

[1] Е. Л. Николаи. Теоретическая механика, ч. I, стр. 9. См. также М. М. Гернет. Введение в теоретическую механику и лекции по статике, стр. 11. М. 1959.

форму анализа и синтеза, диалектическая логика выдвигает вместе с тем новую его форму, связанную с диалектически развивающейся системой.

Диалектический анализ характеризуется противоречивым переходом от сложного к простому, от обусловленного к условию, от действия к причине, от случайного к необходимому и т. п. Такой переход от одного к другому, от одной противоположности к другой и составляет как раз диалектический анализ. Вообще раскрытие в едином целом его противоположностей осуществляется через анализ.

Диалектический синтез, наоборот, проявляется в противоречивом переходе от простого к сложному, от условия к обусловленному, от причины к действию, от необходимого к случайному и т. д. Рассмотрение этих (и других) противоположностей в единстве и обнаружение перехода их друг в друга составляет синтез.

В соответствии с отмеченной спецификой анализа и синтеза можно сказать, что первый имеет направление, обратное естественному ходу вещей. В самом деле, в действительности причина порождает действие, условие — обусловленное, а при аналитическом рассмотрении мы идем иначе: от действия к причине, от обусловленного к условию. Что касается синтеза, то его направление находится в соответствии с действительным развитием предметов (от причины к действию, от условия к обусловленному). Синтетический путь исследования есть поэтому путь генетического выведения высшего из низшего, более развитого из менее развитого, тогда как аналитический путь означает движение от более развитого к менее развитому, от высшего к низшему.

Отсюда и последовательность применения анализа и синтеза в познании. Поскольку анализ начинает с имеющихся уже результатов развития и приводит затем к исходному пункту, его применение в исследовании должно предшествовать применению синтеза. Чтобы начать синтезировать сложное целое из отдельных элементов, надо сначала путем анализа подготовить эти элементы. Синтез идет после анализа и начинает с того, чем заканчивает анализ. Об этом очень хорошо говорит К. Маркс: «Анализ является необходимой предпосылкой генетического изложения, понимания действительного процесса развития в его различных фазах»[1].

Вот почему, между прочим, аналитическое изложение более понятно и более пригодно для целей популярности, чем синтез. Зато синтез, синтетическое исследование более соответствует научной обработке материала, систематическому и вместе с тем диалектическому изложению науки.

---

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 365—366, М. 1932.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалектическая логика как теория диалектического мышления, его форм и законов представляет собой высшее достижение науки о мышлении.

Рассматривая мышление в качестве сознательного субъективного процесса, она вскрывает роль и значение законов и категорий диалектики в самом этом процессе. В диалектической логике показывается, каким условиям должно удовлетворять мышление и какими приемами и способами оно должно пользоваться, чтобы быть диалектическим. Изучая эти условия, приемы и способы исследования, диалектическая логика раскрывает не что иное, как самый диалектический метод.

Диалектический метод есть способ теоретического подхода к вещам и явлениям объективного мира. Поскольку деятельность людей есть сознательная деятельность, основанная на диалектическом мышлении, диалектический метод есть вместе с тем метод практики, практического изменения действительности.

Главная задача диалектической логики состоит в исследовании и обобщении диалектических способов воспроизведения в мышлении движения и развития вещей, их противоречий, отрицания отрицания и т. д. Диалектическая логика должна ответить на вопрос, какими должны быть наши содержательные понятия, чтобы выразить в диалектике познающего мышления диалектику объективно существующих предметов. Диалектическая логика формулирует в отношении мышления развернутую систему требований диалектического метода, она есть теория этого метода.

Основное требование диалектического мышления есть требование конкретности понятий. Сущность этого требования заключается в следующем: поскольку все предметы и явления действительности конкретны и определенны, постольку и наши мысли, понятия о них должны быть конкретными и определенными. Понятия о реальных предметах должны не только отражать общие признаки вещей, в них необходимо учитывать также особенное и единичное. Только в этом случае понятия будут адекватны действительности.

Среди многих изучаемых диалектической логикой законов и форм воспроизведения в мышлении диалектики объективно существующих вещей на первое место выступает способ восхождения от абстрактного к конкретному. Этот способ является подлинным законом диалектического мышления. Согласно ему диалектическое отражение в мышлении объективного предмета начинается с исследования его ячейки, «клеточки», представляющей собой самое простое, всеобщее и абстрактное отношение развитого целого. В «клеточке»,

поскольку она есть отношение, сразу же вскрываются противоположные стороны, которые одновременно предполагают и исключают одна другую. Каждая из противоположных сторон исследуется сначала отдельно, затем во взаимодействии с другой стороной. При этом обнаруживается противоречие, которое прослеживается с точки зрения того, как оно проявляется на поверхности и что оно выражает в сущности. Дальнейший анализ вскрывает реальные способы разрешения данного противоречия и превращения его в другое. Это другое противоречие, более развитое, чем первое, анализируется таким же путем, вплоть до его перехода в новое, высшее противоречие и т. д. Все восхождение от абстрактного к конкретному предстает как логический процесс движения от раскрытия одного противоречия к раскрытию другого, обычно более сильного. При этом показывается, что каждое новое противоречие отрицает предшествующее ему «старое», из которого оно вырастает как из своей основы, и само в свою очередь отрицается иным, высшим. Таким образом, ход мыслей, развитие категорий науки протекает в ее собственной, необходимо присущей ей форме.

Важным средством воспроизведения в мышлении диалектики предмета являются различные способы логического и исторического исследования, обусловленные наличием в предмете двух его сторон — конкретной истории и объективной логики.

Исторический способ исследования связан с воспроизведением конкретной истории предмета, с прослеживанием индивидуальных особенностей развития, с выявлением временной последовательности этапов, которые оно проходит. При этом способе исследователь шаг за шагом идет за историей предмета. Этот способ более доступен и прост для понимания, но он не может раскрыть существенных закономерностей предмета в их чистом виде. Логический способ отличается противоположными признаками. В этом способе исследуемый предмет берется в чистом, свободном от случайностей, виде. Закономерности рассматриваются здесь в отвлечении от форм их проявления. Но в сущности логический способ это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих закономерность случайностей. Логический способ начинает с того же, с чего начинает исторический способ, и устанавливаемые им этапы развития в общем и целом совпадают с этапами, фиксируемыми историческим способом.

При изучении теории науки встает вопрос, как относится последовательность категорий в теории науки к последовательности их в истории науки, совпадают ли они или нет.

В связи с тем, что в истории познания, равно как и в логике, развитие идет от простого к сложному, историческая

последовательность категорий в принципе соответствует их логике. Отсюда вывод: анализ последовательности категорий в истории науки помогает установить последовательность их в самой науке, в логике ее, и, наоборот, последовательность в логике облегчает установление их последовательности в истории. Тут действительно логическое совпадает с историческим, или, как говорит Ленин, «в логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления» [1].

Значение принципа единства логического и исторического состоит в том, что, опираясь на него, можно устанавливать общие связи даже там, где для этого нет непосредственных эмпирических данных.

В диалектическом мышлении, в применении диалектического метода важную роль играют такие логические методы исследования, как индукция и дедукция, анализ и синтез, взятые в их органическом единстве.

Поскольку диалектическая логика есть содержательная логика, не ограничивающаяся исследованием одних форм мышления, она имеет прямое отношение к теории познания. Диалектическая логика решает вопрос об истине, о том, какова ее природа и как она достигается. Истина для диалектической логики — это процесс, а не нечто застывшее и неизменное. Истина никогда не достигается сразу, а всегда постепенно, путем ряда приближений и подходов.

Как философская наука, диалектическая логика призвана обобщать формы и законы диалектического мышления, применяемого в практике и теории, в науке и политике. Диалектическая логика должна дать теорию диалектического метода, используемого всеми марксистами при решении сложных вопросов внутренней и международной политики.

Особенно большая задача стоит перед диалектической логикой в изучении тех образцов диалектического решения вопросов, которые в огромном количестве дает нам деятельность марксистских партий, в частности деятельность Коммунистической партии Советского Союза.

Всем известны решения XX и XXI съездов и последовавших за ними пленумов ЦК КПСС по вопросам мирного сосуществования государств с различным политическим строем, возможности предотвращения войн в современную эпоху, использования парламентских форм борьбы при переходе к диктатуре пролетариата, конкретных методов строительства социализма и коммунизма в СССР и странах народной демократии и др. Эти решения приняты на основе применения диалектического метода, благодаря использованию диалектической логики.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 314.

Образцом применения диалектической логики, диалектического метода является принятое в Москве в ноябре 1960 года Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. В этом заявлении дан глубокий анализ современного международного положения, обобщен опыт коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, подведены итоги достижений мировой социалистической системы.

Отсюда видно, какое огромное значение имеют изучение и разработка вопросов диалектической логики в общей системе марксистско-ленинской философии, в теории и практике марксизма-ленинизма.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Капитал, т. I. М., Госполитиздат, 1955, гл. 1.

Маркс К. К критике политической экономии. М., Госполитиздат, 1953, стр. 212—223, 227—238.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1953, стр. 20—25, 126—127, 311—312.

Энгельс Ф. Диалектика природы. М., Госполитиздат, 1955, стр. 11, 22—26, 33—43, 159, 165—180.

Ленин В. И. Философские тетради. Соч., 4-е изд., т. 38, стр. 76, 80—81, 91, 165, 169, 173, 178, 180, 183, 188, 215, 250, 251, 256—257, 314, 315, 357—359.

Основы марксизма-ленинизма. Учебное пособие. М., Госполитиздат, 1959, гл. 3.

Основы марксистской философии. М., Госполитиздат, 1959, стр. 291—320.

О «Философских тетрадях» В. И. Ленина. М., Соцэкгиз, 1959, гл. 4.

Проблемы диалектической логики. Сб. статей. М., Изд-во МГУ.

Митин М. Б. Философия и современность. Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории. М., Изд-во АН СССР, 1960.

Алексеев М. Н. Диалектическая логика. Краткий очерк. М., Изд-во «Высшая школа», 1960.

Алексеев М. Н. Диалектика форм мышления. М., Изд-во МГУ, 1959, стр. 3—29.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 113—128, 148—160, 186—197, 209—247.

Нарский И. С. Вопросы диалектики познания в «Капитале» К. Маркса. М., Изд-во МГУ, 1959.

Рожин В. П. Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 1957.

Розенталь М. М. Вопросы диалектики в «Капитале» К. Маркса. М. Госполитиздат. 1955, гл. 8—10.

Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М. Соцэкгиз. 1960.

Тугаринов В. П. Марксистская диалектика как теория познания и логика. Л., 1952 (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленингр. отд.).

---

9 коп.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

По призыву нашей партии в нашей стране ширится поход за культуру, за знания. Как подлинное детище народа родились и работают по всей стране народные университеты культуры.

Учитывая потребность слушателей в научно-популярной и учебной литературе, издательство «Знание» приступило в 1961 году к изданию новой массовой серии «Народный университет культуры», предназначенной для одногодичных народных университетов культуры, а также для широкого круга читателей, занимающихся самообразованием.

Книжки серии «Народный университет» будут давать краткое изложение основ наук с учетом их современных достижений и практического использования в общественном производстве.

Серия издается по следующим пяти факультетам:

	Количество брошюр в год	Подписная цена на год
Общественно-политический	20	1 р. 20 к.
Естественнонаучный	30	1 » 80 »
Технико-экономический	20	1 » 20 »
Сельскохозяйственный	20	1 » 20 »
Литературы и искусства	30	1 » 80 »

Тематика каждого факультета объявлена в тематическом плане Издательства, имеющемся в отделениях «Союзпечати» и в книжных магазинах «Союзкниги».

Подписывайтесь на новую серию „Народный университет культуры"

Подписка принимается всеми городскими и районными отделениями „Союзпечати", конторами, отделениями и агентствами связи, почтальонами, а также общественными уполномоченными по подписке на фабриках, заводах, в колхозах, совхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

Издательство «Знание»
Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний